

А и с-под ельничка, с-под березничка,
Из-под часта молодого орешничка,
Выходила калика перехожая,
Перехожая калика переезжая.
У калики костыль дорог рыбий зуб,
Дорог рыбий зуб да в девяносто пуд,
О костыль калика подпирается,
Высоко калика поднимается,
Как повыше лесу да стоячего,
А пониже облачка ходячего,
Опустилася калика на тьи поля,
На тьи поля на широкие,
На тьи лужка на зеленые,
А и о матушку ль о Почай-реку.
Тут стоит ли силушка несметная,
А несметна сила непомерная,
В три часа серу волку да не обскакати,
В три часу ясну соколу да не облетети,
Посередь-то силы той неверной,
Сидит Турченко да богатырченко.
Он хватил Турку да за желты кудри,
Опустил Турку да о сыру землю.
Говорит калика таково слово:
«Скажи, Турченко да богатырченко!
Много ль вашей силы соскопилось,
Куда эта сила снарядилася?»
Отвечает Турченко да богатырченко:

«Я бы рад сказать, да не могу стерпеть,
Не могу стерпеть, да голова болит,
А и уста мои да запечалились,
Есть сорок царей, сорок царевичев,
Сорок королей да королевичев.
Как у каждого царя, царевича,
А и у короля да королевича,
А и по три тмы силы, по три тысячи,
Снарядилася уж силушка под Киев-град,
Хочут Киев-град да головней катить,
Добрых молодцов ставить ширинками,
А и добрых коней да табунами гнать,
А и живот со града вон телегами».
О костыль калика подпирается,
Высоко ль калика поднимается,
А и повыше лесу стоячего,
А и пониже облачка ходячего.
Прискакала каликушка ко городу,
А и ко славному ко городу ко Киеву,
Она в город шла да не воротами,
Она прямо через стену городовую,
Нечто лучшу башню наугольную,
Становилася калика середь города,
Закричала калика во всю голову,
С теремов вершочки посыпались,
Ай околени да повалялися,
На столах питья да поплескалися.

Выходил Алешенька поповский сын,
Берет палицу булатную,
Не грузную палицу, да в девяносто пуд,
Он бьет калику по головушке,
Каликушка стоит не стряхнется,
Его жёлты кудри не сворохнутя.
Выходил Добрынюшка Никитинич,
Как берет Добрынюшка черлёный вяз,
Не грузный вяз, да в девяносто луд.
Он бьет калику по головушке,
Каликушка стоит не стряхнется,
Его жёлты кудри не сворохнутя.
Выходил казак Илья Муромец,
Говорит казак таково слово:
«Уж вы, глупы русские богатыри!
Почто бьете калику по головушке?
Еще наб у калики вистей спрашивать:
Куды шла калика, а что видела?»
Говорит калика таково слово:
«Уж я шла, калика, по тыим полям.
По тыим полям по широкиим,
По тыим лужкам по зелёным,
А и о матушку ли о Почай-реку.
Уж я видела тут силушку великую
В три часу волку не обскакати,
В три ясну соколу не облетети.
Осерёдке силы великии

Сидит Турченко-богатырченко.
Я хватил Турку за желты кудри,
Опускал Турку о сыру землю:
«Скажи, Турченко-богатырченко:
Много ль вашей силы соскопилось,
Куда эта сила снарядилась? -
„Уж бы рад сказать, да не могу стерпеть,
Не могу стерпеть, да голова болит
Ай уста мои да запечалились"».
Говорит казак таково слово:
«Ай, калика перехожая!
А идешь ли с нами во товарищи,
Ко тьи ли силы ко великий?»
Отвечат калика перехожая
Старому казаку Илью Муромцу:
«Я иду со вами во товарищи».
Садилась богатыри на добрых конях:
Во-первых, казак Илья Муромец,
Во-других, Добрынюшка Никитинич.
Оны с города ехали да не воротами,
Прямо через стену городовую,
Нечто лучшу башню наугольную.
А и каликушка не осталась,
О костыль она да подпиралась,
А скочила стену городовую.
Поезжат казак Илья Муромец
Во тую ли силу в великую,

Во тую ли силу правой рукой,
Добрыня Никитинич левой рукой,
Калика шла серёдочкой.
Стал он своею дубиною помахивать,
Как куды махнул, дак пала улица,
Отмахивал – переулочок,
Прибили всю силу неверному.
Обращались к славному городу,
Ко тому ли городу ко Киеву.
Скакали через стену городовую,
Отдавали честь князю Владимиру:
«Мы прибили силу всю неверную».